

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ИЗ ЦИКЛА «ИСЧЕЗНУВШИЙ ОБЪЕКТ»

I

Оттенок красного

до черного
от темного
бордо
недалеко

земля
сгустившаяся
кровь

исчезнувший
объект

оттенок
красного
#260100

новинка
ultrablack

и вой
из пустоты

неслышимый
но
зримый

Парк вечером

высокие
пустеют пьедесталы

Владимир Ермолаев родился в 1950 году в Иваново. Окончил Ивановское музыкальное училище и философский факультет МГУ, а также докторантуру Латвийского университета по кафедре истории философии. Автор семи сборников верлибров. Печатался в журналах «Арион», «Новый берег», «Воздух», «Интерпоэзия», «Волга», «Дружба народов» и др. Живет в Риге.

сошедшие
уходят на закат

где арка светится
в конце аллеи

хрустят ракушки
словно гравий

едва заметно
качаются кусты

и звери
с птичьими губами

выходят медленно
из темноты

ночь движется

Колесо обозрения

мохнатый оборотень
спиной к воротам
лицом к аттракциону
Ferris-wheel

помост высок
огни со всех сторон
подсвечивают слезы

ночное разноцветье
фейерверк

тот город далеко
звук выстрела
теряется в салюте

грохочет музыка
в прихожей юбилей

быть может
с террасы виден
берег океана

вместо гостей и писем
обилие птиц
зверей

цветы
лишь продолжение корней

инстинкт глухой
уводит оборотня
прочь

в безлюдный лес

три четверти луны
в тени

мелькают
разноцветные
огни

и конфетти

крик чибиса

спокойный
плеск воды

тропинка
вьется лесом

тростник уснул

скрипит
старинное железо

и лодка
с прахом инженера
уходит в ночь

Предсказание

здесь пруд
и камни в ряд
на расстоянии шага

большая рыба
лениво
смотрит из воды

там город башня
треугольник Рёло
и близнецы

один покрыт водой
другой словами

и крыша
в окружении стекла
откуда видно все

ты будешь там
но в сумерках вечерних
на закате

Огненный дракон

камни сваленные
грудой

легко ли превратить
в скамью

а башню замка
в каланчу

глядящую на лес
где не было пожаров
с тех пор
как улетел дракон

дождаться ли заката
у обелиска

в надежде
что зверь сойдет
с пластины из металла

окрасит башню
в цвет огня
раскинет мишуру

рог прозвучит
копыта стукнут

нет ни к чему
пора
в обратный путь

ты знаешь расписание

когда охота
пронесется лесом

ты будешь
далеко

и с мыслью
о другом

зачем играть
в старинную игру

Вереск

от сумасшествия
до вереска три шага

ровесница чумы
секвойя
хранит все даты

словно
жесткий диск

рождение композитора
отмечено

смерть нет

он жив
хотя и болен

полулежит лицом к реке
сжав кулаки

все совершается
одновременно

гигантская секвойя мира
ширится растет

и Рейн течет
и вереск розовеет

Волны

изгибы
выдающие себя
за волны

несут на юг
страдающего
от морской

болезни
музейных залов
Эренхофа

Бетховен
Заратустра
Гейне

согнув колено
ступню поставив
на валун

восходят в никуда
Рейнтурм
маяк туриста

Штадттор
и пьяные дома
обозначают вход

в реальность
трезвеет путник
у воды

под небом
отраженным
в хмуре Рейне

Концерт

и вот ты здесь
среди кариатид грифонов

обернут золотой фольгой
почти буквально

прибой разнообразных звуков
струнных духовых

и царь-рояль
и пианист во фраке

и благовест звучит

ты в сердцевине блага
его ядро
оно живет в тебе
и умирает

ты умер бы
не переплыв реки

но удалось

и этот благовест
антракт

минута слабости
секунда ностальгии

Музыка

жужжит пчела
и ангелы скорбят
и римский столб
неподалеку от креста
с Распятием

тишина
июньский жар без ветра
между крон
на млечном фоне
темнеют кольца Арсенала

в неведомом углу
под идиллической травой
покоятся останки Музыканта

лишь часть останков

череп с трещиной
от темени к виску

за сотни километров
от кладбища св. Маркса

среди другого хлама
в урочный час
дрожит как резонатор
при звуках фортепьяно
флейт
кларнетов

благословляя
зальцбургских
студентов

Public Matters

значение
отрубленных ступней
поставленных
как туфли
за дверью номера
в отеле
и тела позади
принявшего вид
взбитых сливок
темных
как патинированная
бронза

неясно мне

понятнее
белый сфинкс
и путти у фонтана
укротители коней
паук
в два метра
высотой
и пресловутый
«Поцелуй»
с его глазурью
платиной
и золотой фольгой

Шаг в темноту

одновременно
в трех пространствах
до после и внутри

прозрачен
словно занавеска
ванной

в прозрачности
реален
как циркач Пикассо

широкая
спина гимнаста

плечо и локоть
на свету
и ягодица
и позвоночник

видны
текстура полотна
и вертикальный ход утка

гризайль разбавлен охрой
справа слева
а в середине бездна
тьма

и шаг уверенный атлета

Всадник

а этот всадник
полуобнаженный
с маргышкой на плече
сосудами горшками
связками ключей
циновкой и трубой
притороченными к седлу

весь серый
с головы до пят

на лошади
покрытой пеплом

пепельный номад

галопом
или ровным шагом
удаляясь от гряды вершин

услышал будто зов
далекий вздох
крик стон

на миг застыв
прислушивается
смотрит

и снова

спиной к прошедшим
временам

пускает лошадь вскачь

Карфаген

у развалин Карфагена
со временем преобразившихся
в руины Рима
ты можешь постоять
исследуя
фонтан Двух рек
обломки стен и арку
рельефы фриза
статуи без рук без головы
и головы отдельно в медальонах

кто посмелее
может перелезть
через ограду
и коснуться камня

распад величия
величие распада

всё здесь

широкие дорожки
лес

и темный разум
Пиранези

Розы

античный город

часть в цветах часть в камне
вместо реки посередине
путь для машин трамваев
автобусов велосипедов
самокатов

аромат
не всякое чутье уловит

но для глаза
такое изобилие красок
праздник

царица в тишине
поэт при музыке и шуме
друг против друга
вдалеке

их разделяет храм
по типу греческого
для героя
годами позже
переселившегося
в большой дворец

уткнулись в мраморные
книги мудрецы
через дорогу
за спиной Афины

предпочитающей
смотреть на
парк

копье в руке
и Ника на ладони
шлем золотом блестит

вечерний свет
на мраморах
и розах

Гризайль

ягоды и фрукты

виноград бананы
груши яблоки
орехи

несъедобны

страницы нот
нельзя перелистать

как ни старайся
из рояля
не извлечешь ни звука

и свечи не зажжешь

на полотне
не разглядеть
рисунка

фон и фигуры
в сером цвете

того же цвета рама

и женщина
и грудь ее
и джинсы

открытый ноут
на столе
перед диваном

пес рядом с ним

и череп
между книг

Ландшафт

проводя экскурсию
у подножья
гряды

подзывая отставших
окликаая сошедших с тропы

но воздерживаясь от
художественных
исторических
и других объяснений

молча шагая впереди

указывая тростью
или
может быть
альпенштоком
на шутовской колокольчик
барабанные палочки
и барабан
на книгу и ножницы

предлагая из находок
сложить трудный
пазл

кто поспособней
увидит лицо
в профиль
глаз губы нос

кто подгадливей
поймет
вот это усы
а это
рот

фальшиво состарившиеся
обломки образуют
ландшафт
души

бронза уже
не раскрошится
рельеф прочен
но осторожнее
на обратном
пути

Щебень

розовый черный белый
широкими слоями

но в двух камнях
цвета истолчены
и перемешаны

разнообразные
граниты

манки для мысли
хризалиды

Образы

рыбы пойманные
выдернутые из воды
и брошенные на лед

парадная лестница
бледно-песочного цвета

здесь пуля пронеслась
сквозь сердце человека
учившего доверять
лишь слуху осязанию
зрению и ничему больше

кафе для бедных
основанное семейной парой
процветающее

яблочный штрудель
с чашкой крепкого кофе

обелиск черной смерти
скрытый под
взбитыми сливками
святых ангелов путти

незримый собор
и его макет
возвышенное
сошедшее
к чутким пальцам
приниженное

радуга завета
обманного
в струях фонтана
возле флага
в руке солдата

образы
сверкающие
но не живые
для витража
не пригодные

брошенные на лед
рыбы

заиндевшие
ломкие

Падение

река выгибается навстречу
летящему вниз

(бронзовый якорь)

вздывается
(стеклянный пузырь)
отражением оврага

разбивается купол
(Рейхстага)

осколки сверкают
(хрустальные перья)
взрезая лето

день умирает

(солнце прячется
за колонной Победы)

Портрет

здесь
в тесной комнате
все тихо

рот закрыт
взгляд резок
и пытлив

двойник из мрамора
охраной служит

но где-то там
за океаном рождается
беззвучный крик

и цвет меняется

в недвижимом воздухе
раскалывается
бюст

осколки
ранят
глаз

но обостряют
слух

Голубятня

купол прозрачен
видны лишь ребра

косяк Рейхстага

вазон на крыше
вместо флага

воды и зерен
вдоволь

дверь на замке

решетка мелкая
приварена прибита

нежным птицам
не выбраться
не улететь
в синеющее небо

да и зачем

там на свободе
они лишь исчезающие виды

Изгнанные и обезглавленные

Давыдов из Женевы
и Брюс из Лондона

нашедшие приют
в одном квартале

следы их
по соседству

так близко
что дым сигары
касается Минервы

а в тихую погоду
тонкий аромат
услышат Горн
и Эгмонт

чье обоняние
по-прежнему
остро

взгляд горд
осанка
безупречна

Памятник

француз

покрытый
алюминиевой
рябью

стоит
сияющей
скалой

ни волн-убийц
ни ветра-ассасина

застыло время

четырекратно
умножен рост

сверкая
как альпийский лед
и духом тверд
спокойно смотрит
граф
за горизонт

Ich bin froh

рад что стоял здесь

малыш карапуз
мертвый младенец
из книги Solaris

рад что видел собор
и Painting 1971
(позднюю версию
Painting 1946)

понял связь между
зонтиком малышом
и выпотрошенным быком

и заодно пополнил
гlossарий

Вечер

купол церкви
чумной бубон

парит
между двух игл
тряяновых колонн

их отражение
в овальном водоеме
дрожит

у края водоема
купол из костей

две арки

и шар-дитя под ними
скрыт

позеленевший
гладкий

таинственный
бон-бон

Город Зеро

город на острове
дома идут волнами
тьма проникает
сквозь поры
тело
преображается
в зеро
преображается
в озеро

внутренности
его черны
словно das Interieur
блохи
заселенное палочками
бубонной чумы

он
складной метр
Zollstock

разложенный
на косые
и прямые
углы

зеро в виде звезды

Сад

на постаменте в семь рядов
из красных кирпичей
мамаша Эй

о Гете
напоминает книга бюст
сад пуст

разделены прудом
Китай и Греция молчат
кувшинки спят

темнеет сад
и укрывает всех детей
мамаша Эй

Триумфатор

пусть львица ластится
и поводок в руке

но кто кого ведет
неясно
миг прихоти

рывок
возок сколочен крепко
это правда

обманчив профиль
скулы подбородок

какая мощь
в звериных лапах

здесь правят страсти
не ездок

не Марк Антоний
лицом и телом похожий
на больной картофель

Луна

чистый
обветренный
отскобленный
до белизны
череп
лик

возле беременных
возле рожениц

в любой час
ночи и дня
луна

солнце
над этими башнями
не поднимется никогда

аромат сирени
и ладана
слышен даже
в аптеке Ангела

Vanitas

фитиль недавно погасший
и тонкий дымок

бокал опрокинут

крышка откинута
стрелки больше
не двинуться

высохшее перо

пара берцовых костей
бурый череп
с пробитым виском

семь зубов
магическое число

устойчивость черепа
(пресс-папье
на стопке листов)
и всей композиции
гарантируется
отсутствием челюсти

Явление няни

стекло
преобразует няню
в призрак

парящий
среди других картин

в пространстве
Штеделевского института

согнув колени
руки

обнажена
и рот раскрыт

и погнуты очки
и глаз кровоточит

сквозь распадающуюся
плоть
видны
младенцы Базелица

Упавший Голуба
и *Лутен* Аппеля

коляска катится

«Потемкин»
поднимает флаг

иллюминаторы
над головой
что лампы
в операционном
зале

Symphonion

по сторонам витрины
два взвода
целятся друг в друга

стеклянные
шары с цветами
между ними

невидимые пули
пробивают сталь

о музыка
о «Голубой Дунай»

Новый Вавилон

линии горизонтальные
нотный стан

вертикальные
ливень
приводящий
к потопу

город тонет
под «Героический марш»

белое на фиолетовом
иллюминаторы
корабля

красное вывески

может быть
пятна крови

Шаги

график шагов меняется
с изменением перспективы

темп неровный

к вертикальным
фигурам
относятся
фонари
люди
и небоскребы

горизонтальные
прогулочные корабли
набережная скамьи автомобили

мост можно перейти

черту можно перейти
за которой

Икар

затеряться в дебрях
ночного дозора
ветреных тревожных
кто в рог трубил
охота приступ
оборона
где враг где друг
вокруг
ночная суматоха
стук лязг
шаги
одежды шелест
грай петухов
лай псов

пой соловей
кукуй кукушка
и заглушай
удары барабана
треск выстрелов
и всплеск
в реке

На дне

что ищешь ты
в морском песке

взгляни
так много рыб
в прохладной
глубине

разнообразных
странных

как будто
нарисованных
в Affinity Designer

легко поймать их
подплывают сами
лови сачком

а под песком
найдешь
другой песок

или
обычный
камень